ГРЕБЕНЩИКОВ И КУРЕХИН ЗАКАТИЛИ ДОБРЫЙ ВЕЧЕР!

Моск. комсомолец. - 1992. - 6 янв.

30 декабря над Питером развиднелось, занималась заря новой жизни, пилоты довольно жмурились. Они не знали, но догадывались, что первопричиной всему — два монаха нового типа: Борис Гребенщиков и Сергей Курехин. Да и кто еще в этом городе может быть первопричиной?

ВТОРАЯ волна объединения гуманитариев и чиновничества — не всех со всеми, а по интересам, кружком, — началась с Северной Пальмиры: отсчет нового времени можно смело вести с Ассамблеи Курехина и Гребенщикова в Санкт-Петербургском клубе кинематографистов с целью оздоровления генофонда, обновления нации и глобального единения народов в преддверии надвигающейся катастрофы. От первой вторая волна отличается тем, что происходит за столиками со скатертью под дружную песню «Хочу лежать с любимой рядом, а с нелюбимой не хочу» — в то время как первая протекала в конференц-залах Московского союза кинематографистов под дружную песню «Не падайте духом, поручик Голицын, ваше дело не умрет».

Девяносто шестая проба собравшихся на вторую волну гостей была гарантирована гениальным условием — либо друзья, либо добрые знакомые. Столь изысканного общества не знала даже годовщина ВиДа — пожалуй, первая после августовских событий знатная гулянка. Глубинный демократизм ТВ собрал тогда под сводами «Олимпийского» очень большое количество разнопланового народу. На этот раз приглашения были сугубо персональными, ажиотаж у входа исключился сам собой, и лишь сотая часть не совсем приглашенных проникла внутрь под именем уважаемых господ Губенко, Соломина и им подобных — знатных и занятых. Сами понимаете, чтобы получить такие билеты, нужно было быть «самых честных правил» плюс протекция видных друзей. Стать господином Соломиным мне позволило лишь личное поручительство члена штаба праздника Сергея Соловьева.

Также на Ассамблее присутствовали господа Прыгуновы, Собчаки, Басилашвили, Германы, Лунгины, Орловы, Тодоровские, Пежемские, Шукшины, госпожа Ахеджакова, госпожа Терехова, госпожа Полищук, госпожа Мирошниченко, госпожа Глаголева, госпожа Кабо, госпожа Смехова, господа Костолевский, Мамин, Адабашьян, Месхиев, Гаркуша, Хвостенко, Учанейшвили, Панкратов-Черный. Митькам выделили квоту в 4 человека, опасаясь особенного митьковского темперамента. Господа Шагин, Флоренский и двое других вели себя хорошо.

У входа швыряли адские устройства эсеровские бомбисты, казачья полурота скакала галоп, фейерверк поднимался до небес. На пороге зазывно махали руками оба разгуляя: «К нам! К нам!»

Кучера уходили в парк складывать костры.

Заведомая непринужденность была задана подписями под каждым приглашением: «Целуем. Боря. Сережа». Сами встречали в дверях после гардероба и парадной лестницы с юнкерами. Жали руки и целовали ручки — справа их превосходительство Сережа в белом смокинге с блестящими пуговицами, слева их высокопреосвященство Боря в свежеотпущенной бороде, которой полтора месяца назад еще не было.

Семен Фурман во фраке зычно объявлял новоприбывших: «Лидия Шукшина! С дочерью!». «Анатолий Собчак! С супрругой!», «Маргарита Терехова! Са-авершенно одна!».

С потолка свисали ленты, дождь, хвоя, оркестр играл полонезы и котильоны, гости занимали места за столиками, вольно разбросанными вокруг микрофонов в эстетике «Голубого огонька». Официанты сновали. «Юстасы» на входе (питерский филиал «Алекса») к товарищу милели людскою лаской, к самозваннцу вставали железа тверже. Велено было Невзорова и его людей гнать взашей (люди подсылались — как же можно пройти мимо такой исключительной пирушки!). Так был развеян миф о всепроникаемости невского секундомэра. Отныне его потолок — мясокомбинат и КПЗ, дальше уже не зовут.

Ассамблею открыл Курехин с бокалом. Он поведал, что пришло им с Борис Борисычем время постригаться в монахи, настолько они стали чисты, без плоти и без всего. И это, разумеется, требует нового качества бытия. Но поскольку возобновление старинной российской традиции совмещения святости и порока — дело не менее важное, монастырь будет нового типа. В основание лягут три кита — тотальная святость, предпринимательство и порок.

Олег Гаркуша («АукцЫон») познакомился с Павлом Лунгиным («Такси-блюз») и задал ему острый конфиденциальный вопрос: «Почему я у тебя до сих пор не снимаюсь?» Лунгин от горя вырвал у себя клок бороды, он и сам не мог ответить: почему?!

Громко поддержав идею объединения, светский лев Собчак в одиннадцать ровно засобирался домой: усталость сковала члены. Накануне, вручая приз актрисе года, он заинтриговал всех признанием, что в течение последних двадцати лет тайно влюблен в одну из претенденток. Сказал А — говори Б, мимо пройти я не мог. Петербургский Парис сперва пококетничал: все-то этим газетчикам надо знать! — но спустя минуту заметил, что его предпочтения полностью совпали с выбором профессионального жюри (обладателем яблочка — «Ники» — стала Наталья Гундарева, кто не в курсе).

На удаляющемся городничем развевались стильное драповое пальто и аквамариновый шарф. Вообще, внешний вид собравшихся соответствовал духу чинного торжества с налетом легкомыслия.

Подали поросят.

Ближе к полуночи господа Лунгин (в черном), Полищук (в белом), Адабашьян (опять в черном) и Гаркуша (опять в белом) принялись чудить, в результате чего актриса осталась без голоса, художник дважды грохнулся со стула, почувствовав ушибы лишь наутро, а зачинщики — режиссер и рок-музыкант — громко смеялись. В отличие от прочей публики, которая от хохота уже пять минут как охрипла.

ТЕМ временем недовольный штаб подводил итоги — почему веселье задумывалось по нарастающей, а пошло наоборот. По словам очевидцев, совет носил строго мусульманский характер: женщин не пускали. Жены главных хоть и сидели рядом, но говорили шепотом и между собой — о своем, о женском. И ни одна из них не пыталась встрять и доказывать, что танки нужно было пускать сразу, а вот с авиацией чуть погодить.

Постановили: прав был один знакомый премьер-министр — система хорошая, а с народом как-то не сложилось. С таким народом генофонд не улучшишь. Вывод был как в ноябрьском «Кинокурьере»: лиц старше тридцати следует тихо и гуманно усыплять. Кроме, конечно, Лунгина — Полищук — Гаркуши — Адабашьяна, всей вот этой компании. Они еще могут пригодиться, принести пользу обновленной нации.

В 1992 году клуб монастырского типа продолжит работу.

Денис ГОРЕЛОВ.

P. S. В предновогоднем выпуске «МК» о славном почине Б. Г. и С. К. сообщила рубрика «Срочно в номер». Однако по вине набитой под завязку праздничной первой полосы из заголовка «Курехин и Гребенщиков приняли постриг» вылетела первая часть — отчего создалось впечатление, что в монахи подались все перечисленные в заметке персонажи. Только дойдя до фамилии «Панкратов-Черный», читатели почуяли неладное. А. Панкратов-Черный в монастыре — такого и в новогоднюю ночь не привидится.